

О. С. Егорова, О. А. Кириллова

«Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры

В статье предлагается лингвокультурологический анализ таких культурно значимых концептов, как «свобода» и «воля», в русской языковой картине мира. Авторы обращаются к данным этимологии, исследуют понятийные составляющие двух концептов и выделяют значения, формирующие прототипы концептов «свобода» и «воля».

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, понятийная составляющая концепта, прототип.

O. S. Egorova, O. A. Kirillova

"Freedom" and "will" as key concepts of Russian culture

The article offers a linguistic cultural analysis of such culturally important concepts as "freedom" and "will" in Russian language picture of the world. The authors refer to etymological data, explore the conceptual components of the two concepts, and distinguish the meanings which form the prototypes of the concepts "freedom" and "will."

Keywords: linguistic cultural concept, conceptual component of the concept, prototype.

Сегодня лингвокультурология посвящает свои исследования сопряженному изучению таких феноменов, как культура, язык и сознание, что позволяет исследователям наиболее полно и адекватно раскрыть сущность концептов, содержащих в себе многоаспектное знание. В связи с этим представляется актуальным исследовать ключевые концепты русской культуры, ментальные образования с доминирующим аксиологическим началом – концепты «свобода» и «воля». Цель данной работы – выявить особенности взаимоотношения двух культурно значимых концептов «свобода» и «воля» в русской языковой картине мира.

В качестве ключевых слов русской культуры «свобода» и «воля» особым образом коррелируют в русском языке, на что неоднократно указывали многие философы и филологи. Если в европейских языках соответствующие этим словам понятия практически не пересекаются, то «в русском языке на протяжении всей его истории эти понятия находились в постоянном взаимодействии, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга» [2, с. 73]. Таким образом, в русской языковой картине мира концепт «воля» является ближайшим смежным концептом «свободы», а взаимоотношения «свободы» и «воли» образуют различные семантические признаки, которые и отражают национальную специфику данных концептов.

Спорным остается вопрос о том, являются ли концепты «свобода» и «воля» различными либо представляют собой единый концепт в русском языке. Н. Д. Арутюнова в своих исследованиях, например, говорит о едином концепте «воли – свободы», который, подобно другим мировоззренческим, этическим и социальным концептам, представлен в русском языке двумя соотносительными словами – «волей» и «свободой», занятыми постоянным переделом семантического пространства [2, с. 73]. А. Г. Лисицын видит решение проблемы в различении в едином концепте концепта-1 и концепта-2, представляющих собой разные стороны одного культурно-языкового феномена [8].

Полагаем, что основные различия таких многомерных лингвокультурных концептов, как «свобода» и «воля», можно выявить, охарактеризовав их понятийные составляющие.

Изучим этимологические данные относительно интересующих нас концептов. Лексема «свобода» связана с церковнославянскими словами «свобство», «собство» «persona», где *svob* от *svoj* – свой, то есть обозначает ‘положение свободного, своего члена рода’ [13], в то время как слово «воля» связано чередованием гласных со словами «велеть, дозветь» и интегрирует в своем значении такие семантические признаки, как ‘желание’, ‘выбор’, ‘власть’. В древнерусском языке «воля, волити» – обозначение разумного

выбора между несколькими возможностями. Что касается лексического значения слова «свобода», то здесь на первый план выходит сема 'persona', 'сам' ('свой'), но в то же время указывается на «положение ... своего члена рода», то есть на наличие какой-либо общности или общества, среди которой (в котором) может реализоваться «независимость» или «состояние свободного человека». В основном значении современного русского слова «свобода» представлена исконная характеристика: свобода – это наличие внешних условий для реализации воли человека. Русское слово «свободный», восходящее к индоевропейской основе *swe, также подчеркивает принадлежность к «своим», в то же время выделяет себя как индивидуальность.

Таким образом, прослеживается связь концепта «свобода» с концептом «свой – чужой». Примером этого противопоставления является расхождение слов «свобода» и «слобода». Первоначально произносительный народный вариант «слобода», обозначающий состояние человека, а также место (община, позднее мир), где живут свои, обособляется, становится названием места, в котором живет свободный человек (мир). В то же время воля, в отличие от свободы, ассоциируется с чужим миром, за пределами слободы [8, с. 75–76]. Возможно, это нашло отражение в современном понимании свободы как возможности делать, что хочешь в определенных рамках (налагаемых обществом) и воли как ничем не ограниченной свободы действий в ничем не ограниченном широком пространстве. Впоследствии «слобода» утрачивает прежде актуальный признак «свой». Слово «воля» также не сразу приобрело значение 'свобода'. Волей обладал Бог, а не человек. Воля стала соотноситься с личным желанием человека, его правом выбора. В дальнейшем происходит метонимический перенос, и «воля» обозначает уже собственно «свободу». Но этот перенос происходит, когда принцип «свое-чужое» уже не актуален [8, с. 77–78]. Сближению значений слов «воля» и «свобода» способствовало наличие в каждом из них пространственного компонента. Вторичный признак актуализировался и способствовал появлению значения «мир, где возможна неограниченная самостоятельная деятельность» [8, с. 79].

А. Г. Лисицын отмечает, что в древнерусских текстах «свободити» чаще всего употребляется со словами «раба», «рабство», слово «свободь» противопоставлено словам «раб», «раба», «рабство», то есть свобода понимается и как про-

тивоположность рабскому состоянию, а всякое освобождение воспринимается как свобода от рабства. Когда кого-то освободили, то его «сделали своим, вернули к своим, сделали достойным своих», любой свой свободен, даже если он находится в зависимости у кого-то из своих, т. к. зависимость от своих, своего не ощущается [8, с. 74].

Такое понимание свободы характерно именно для русской культуры, основу которой составляет патриархальность общества, политическое же понимание свободы оформлялось, по нашему мнению, иначе.

Второе направление развития понятийного ядра концепта «свобода», характерного для западноевропейской культуры, реализуется также через метафору роста, но в данном случае – через приумножение возможностей человека: приумножение многих навыков, выход за пределы «профессиональной» ограниченности в пространство «человека вообще» позволили античному человеку осознать себя личностью, осознать свою политическую свободу. В центре античной картины мира стоит человек, который, обретая свободу, теряет прежнюю родовую опеку и защиту и вынужден был действовать, опираясь на собственную решительность и сообразительность.

Для характеристики понятийной составляющей современного концепта «свобода» необходим анализ словарного отражения и воплощения концепта. Система дефиниций в словарях дает исследователю культурных концептов нити к познанию сущности народного сознания, специфики наивной картины мира. Интерпретация словарных определений позволяет выявить обобщенный прототип концепта, его содержательный минимум, что создает базу для дальнейшего изучения концепта на основе других методик. Согласно лексикографическому анализу слова «свобода» объединяет семы 'независимость', 'отсутствие ограничений, стеснений' и определяется как «состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений». Семма слова «свобода» трактуется также как возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества. Таким образом, значение слова «свобода» содержит в себе сему 'ограничение' (законами развития природы и общества), тогда как «воля» – это полная свобода, связанная исключительно с желаниями и их реализацией.

Итак, понятийная составляющая современного концепта «свобода» формируется в русском языке его базовыми значениями, зафиксированными словарными дефинициями. А. С. Солохина на основе анализа лексикографических источников (Даль, 1984; Ушаков, 1935; Ожегов, 1992; Евгеньева, 1981; Лопатин, Лопатина, 1990; Шведова, 1999) выделяет четыре базовых значения концепта «свобода»: 1) возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию; 2) отсутствие ограничений, запрещений в политической области; 3) вообще отсутствие ограничений, стеснений; 4) свобода как нахождение не в заключении, рабстве [11, с. 54–55]. Словарь под ред. А. П. Евгеньевой выделяет дополнительно к прочим словарям еще несколько значений: 1) легкость, отсутствие затруднений в чем-либо; 2) непринужденность, отсутствие связанности; 3) свободное, незанятое время; досуг. [10, с. 52].

Чтобы выяснить, какой из представленных компонентов значения понятийной составляющей концепта актуализируется в сознании носителей языка в первую очередь и составляет, таким образом, ядро концепта для современных россиян, А. С. Солохина использует метод социолингвистического опроса, на основе данных словарей выделяет самое распространенное понимание свободы по результатам анкетирования, а именно: возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию (**это значение совпадает к тому же с первым определением в русских словарях**). Остальные значения расположились в следующем порядке: 1) легкость, непринужденность, отсутствие затруднений в чем-либо, отсутствие связанности; 2) нахождение не в заключении, рабстве; 3) вообще отсутствие ограничений, стеснений; 4) отсутствие ограничений, запрещений в политической области; 5) свободное, незанятое время, досуг.

Согласно данным эксперимента, проведенным А. С. Солохиной, первые три значения, обладающие близкими индексами, являются ядерными. На основании полученных результатов исследователь делает вывод, что свобода в понимании современного россиянина связана, прежде всего, с потребностью реализовать свои желания и стремления. «Вероятно, подобное понимание концепта обусловлено тем, что человек в современном обществе в большинстве случаев должен соотносить свои желания с желаниями других людей, действовать в рамках закона и норм поведения, принятых в обществе, которые, представляют, таким образом, ограничителями свободы.

Кроме того, свобода – это легкость и непринужденность (возможно, имелась в виду свобода движения, когда у человека не связаны руки, свободная одежда и т. п.), а также нахождение не в заключении» [11, с. 59]. А. С. Солохина отмечает, что такое значение, как «отсутствие ограничений, запрещений в политической области», опрашиваемые поставили на предпоследнее место, хотя в русских словарях оно идет вторым, что еще раз подтверждает предположения о том, что элементы политической свободы в сознании россиян не первичны.

Определенные различия в изучаемых концептах можно выявить при установлении их прототипов. Так, прототип концепта «свобода», формируется (1) и (3) значениями словарных дефиниций. Е. В. Урысон предлагает следующее толкование центрального значения концепта «свобода», которое, по нашему мнению, в полной мере отражает его прототип: свобода (словарное толкование) = «положение дел (ситуация), при котором человек может делать то, что хочет, потому что никто его не ограничивает, благодаря чему субъект испытывает очень приятное чувство» [12, с. 696].

Е. В. Урысон видит специфику понятийного компонента концепта «свобода», в отличие, например, от концепта «воля», в модификации его основного значения, которая заключается в сдвиге семантического акцента внутри значения лексемы [12, с. 696]. «Свобода (модификация словарного толкования; ср. чувство свободы) = «очень приятное чувство, которое обычно испытывает субъект, когда он может делать то, что хочет, потому что никто его не ограничивает» [12, с. 696]. Таким образом, «воля» синонимична лишь основному употреблению лексемы «свобода», так как означает прежде всего «положение дел» и не может служить обозначением чувства. Ср.: «чувство свободы» и «чувство воли». При этом оба слова могут выступать как синонимы в случае, когда речь идет о возможности беспрепятственных действий, причем ограничения, которые могут им препятствовать, устанавливаются как человеком, так и обществом в целом, традициями, моралью, недостатком материальных средств, жизненными обстоятельствами. Однако слово «воля» воспринимается как устаревшее в современном русском языке, при этом свобода имеет более общее значение [12, с. 697].

Итак, центральными значениями концепта «свобода», зафиксированными в словарном фонде и формирующими его прототип в сознании

носителей русской лингвокультуры, являются следующие: 1) возможность делать что хочешь, поступать по своему желанию; 2) отсутствие преград, ограничений. Тем не менее, прототип понятийной составляющей концепта «свобода», по нашему мнению, содержит еще один дополнительный эмоциональный компонент, «модификацию его основного значения» – «очень приятное чувство, которое обычно испытывает субъект, когда он может делать то, что хочет, потому что никто его не ограничивает» [12, с. 696].

Центральными значениями концепта «воля» являются 1) способность человека к саморегуляции поведения, его психологический потенциал; 2) возможность делать, что хочешь, поступать по своему желанию; 3) отсутствие преград, ограничений;

По мнению Н. Д. Арутюновой, различия понятий «свобода» и «воля» состоит в том, что «воля» характеризует природного (естественного) человека, живущего в среде природы, свобода – социального человека, живущего в социальной среде» [2, с. 83]. Общность этих понятий ограничена социомодальным значением: концепт «свобода» соотносится с модальностью необходимости, признающей ограничения, тогда как «воля» ассоциируется с модальностью желания, их снимающей [2, с. 74]. Оба понятия – «воля» и «свобода» – непосредственно связаны с человеком, его внутренним миром и его поведением в среде обитания. Свободу градуирует закон. Волю градуирует сила и власть, которой наделен субъект действия. Свобода ограничена извне, воля также и изнутри. Воля-свобода неотделима от воли-желания, составляющей энергетический центр человека [1, с. 352].

Как отмечают исследователи, социомодальный концепт «воля» изначален и чрезвычайно характерен для русского традиционного сознания. Слово же «свобода», пишет Г. П. Федотов, «до сих пор кажется переводом с французского *liberté*» (Цит. по [2, с. 89]). В связи с этим «свобода» в русском семантическом пространстве имеет устойчивые корреляции с такими социальными концептами, как «закон», «власть», «демократия», «независимость». Концепт «воля» более близок по своей семантике к психологическим и лингвоспецифическим концептам, таким как «желание», «удовольствие», «русское поле», «простор». «Законным супругом свободы стал закон: закон градуирует свободу, но не волю» [2, с. 82]. Несомненно, что «свобода» и «воля» имеют общее семантическое пространство, ограни-

ченное представлением, которое предшествует первичной номинации, где отражаются положительная и отрицательная стороны свободы: «отсутствие ограничений» – «свобода от ограничений» для проявления собственной воли.

Общее семантическое пространство «свободы» и «воли» можно определить не только с помощью лексикографического анализа, но и посредством различных методик изучения языковых явлений. Нам представляются интересными результаты ассоциативного эксперимента, позволившего выявить общее семантическое пространство исследуемых концептов. Как отмечает Н. М. Петровых, «воля, отождествляемая со свободой, ассоциируется в русском языковом сознании с небом, полетом, простором, ветром, птицей, пространством, светом, счастьем, жизнью, стихией, раздольем (это общее ассоциативное субполе слов, содержащее сему «пространство», связанное с природой и стихией). Свобода же у русских людей ассоциируется с деньгами, законом, равенством, братством, творчеством, демократией и включает такие смыслы, как «независимость», «выбор», «ответственность», «право человека». Воля как психическое свойство индивида, его способность осуществлять свои желания, стремления, цели ассоциируется с силой, независимостью, характером, поступком, упрямством, решением» [9].

По мнению ряда лингвистов, изучающих сложные взаимоотношения таких полисемантических слов, как «свобода» и «воля», в современном речевом употреблении эти слова практически не употребляются в качестве синонимов [4, с. 206].

Общее семантическое пространство концептов «свобода» и «воля» выявляется и при изучении прецедентных феноменов. Как известно, прецедентные феномены (ПФ), определенным образом функционирующие в языке, несут в себе когнитивные структуры, которые принадлежат сфере сознания. В случае, если прецедентные феномены репрезентируют культурно значимые концепты, то в семиотическом пространстве культуры прецедентные феномены предстают как относительно стабильные структуры, организующие во фрейм стереотипизированную информацию относительно культурно значимых концептов. Изучение прецедентных феноменов в медиатекстах показало, что в составе прецедентного феномена концепты «свобода» и «воля» полностью синонимичны, например, «век воли/свободы не видать» [7]. При этом одной из сфер-источников прецедентности «свободы» и

«воли» в медиадискурсе является достаточно продуктивной сферой «криминал».

Фреймовый анализ прецедентных феноменов позволяет установить интегрирующий признак, семантически объединяющий смежные концепты и типичную ситуацию в рамках ПФ. Таким образом, прецедентные феномены представляют собой концепт-фрейм, имплицитный комплексную ситуацию, сопоставимый с «кадром», в рамках которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств [3, с. 55].

В медиатекстах наиболее часто встречаются такие ПФ, как «На свободу – с чистой совестью», «Век свободы/воли не видать», являющиеся элементами особого языка, в частности, особой субкультуры заключенных. Концепт-фрейм первого ПФ содержит такие смежные концепты, как «совесть», «очищение», «тюремное заключение», «наказание». Типичная ситуация реализации свободы в данном случае определяется как «выход из мест лишения свободы», а семантический признак этого ПФ представляется как «отбытое наказание лишением свободы». Ср.: «На свободу нужно выходить с чистой совестью; если же историческая совесть останется нечистой, значит, нам век воли не видать» (Известия, 17. 01. 2005).

Концепт-фрейм ПФ «Век свободы/воли не видать» содержит такие смежные концепты, как «воля», «правда», «вера», «мир заключенных». Типичная ситуация употребления этого ПФ характеризуется ситуациями, когда можно сказать следующим образом: «Мне можно верить, иначе я “отвечу за свои слова”» по законам мира заключенных». Семантический признак этого ПФ определяется как «абсолютная правда». Основной сферой-мишенью прецедентности из сферы «криминал» является та же сфера «криминал», однако в силу того, что субкультура заключенных имеет налет романтизма в русской культуре, в медиатекстах нередко случается употребление трансформированных ПФ, имеющих в качестве сфер-мишеней и иные сферы, например, «культура», «искусство», «история России». Ср.: «ВЕК КВН НЕ ВИДАТЬ!: И лишь после того, как жюри объявило “Медведей” победителями, заядлые кавээнщики с чистой совестью отправились на свободу» (Труд 13. 01. 05); «ВЕК, СВОБОДЫ НЕ ВИДАТЬ?» (Новая газета 19. 04. 01); «1,5 века воли не видать! 150 лет назад в России освободили крестьян. Крестьяне негодовали...» (АиФ 16. 02. 2011).

Таким образом, фреймовый анализ прецедентных феноменов, репрезентирующих концепты «свобода» и «воля», позволил выявить особенности функционирования данных концептов в медиадискурсе, выделить прагматические характеристики концептов (типичные ситуации их реализации), семантические признаки концептов, а также смежные, ассоциированные с ними концепты, которые формируют стереотипное представление о концептах «свобода» и «воля» в рамках русского лингвокультурного сообщества.

Так называемые смежные концепты «свобода» и «воля» образуют концептуальные области, где устанавливаются семантические ассоциации между смыслами и явлениями материального мира, что и определяет лингвокультурную специфику изучаемых нами концептов. Это служит объяснением тому, что существуют различия в представлении о свободе у отдельных народов. Например, для англичанина свобода – это, прежде всего, *self-madness*, что означает «самостроительство и самоответственность, сдержанность и самообуздание, способность владеть собой и условиями своего существования» [6, с. 16]. Иное представление о свободе у русского человека, «который только вышел из патерналистских режимов империи и социализма и который может понимать свободу прежде всего как развязывание внешних уз и удержей, как волю вольному и что теперь все позволено?» [6, с. 16] Представление о свободе у француза исходит из формулы «Жить в обществе и быть от него свободным нельзя», поэтому свобода реализуется в принципе «первичного выбора» (*choix originel*), который предпринимается человеком свободно, и этот выбор определяет дальнейшую цепь поступков и жизнь человека.

Достаточно подробное лингвистическое исследование концепта «свобода» в латинском, английском, русском и польском языках было предпринято А. Вежицкой. В русском языке были рассмотрены слова «свобода» и «воля». Для того чтобы выделить содержательные компоненты в структуре понятийной части концепта, все словарное дефиниции были разбиты исследователем на группы в соответствии с их содержанием. По мнению А. Вежицкой, посредством ограниченного набора универсальных, то есть вербализируемых во всех языках семантических элементов, можно выразить все разнообразие рожденных человеком идей. Замысел А. Вежицкой заключается в реконструкции Естественного Семантического Метаязыка, образуемого самопонятны-

ми, неразложимыми и универсальными элементами, которые могут быть замещены (с точностью до перевода) обычными словами любого языка. Наиболее достоверными кандидатами на роль такого рода элементарных смыслов (semantic primitives) можно считать субстантивы *я, ты, некто* и *нечто*, ментальные предикаты *думать, хотеть, чувствовать, сказать* и демонстратив *этот*, а достаточно проверенными – еще несколько десятков. Характеризуя концепты «свобода», закодированные в английском, латинском, русском и польском языках, А. Вежбицкая использует набор семантических примитивов и формирует для каждого концепта определенную формулу.

Так, например, для концепта «свобода» в русском языке формула имеет следующий вид: (а) некто (X) может думать некто вроде этого; (b) если я хочу что-то сделать, я могу это сделать; (с) когда я некто делаю, я могу не думать: я не могу это сделать так, как я хочу, потому что какие-то (другие) люди что-нибудь сделают/скажут; (d) из-за этого X чувствует некто хорошее [5, с. 237].

Для концепта «воля» А. Вежбицкая предлагает две модели: 1. (а) некто (X) может думать некто вроде этого: (b) если я хочу что-то сделать, я могу это сделать; (с) если я хочу куда-то пойти, я могу пойти туда; (d) никто не может сказать мне: «ты не можешь этого сделать, потому что я не хочу этого» или «ты не можешь туда пойти, потому что я не хочу этого»; (е) это хорошо для X-а. 2. (а) некто (X) может думать некто вроде этого: (b) я не такой, как другие люди; (с) если я хочу что-то сделать, я могу что-то сделать; (d) если я хочу куда-то пойти, я могу пойти туда; (е) другие люди не могут это сделать, потому что кто-то не хочет этого; (f) это хорошо для X-а [5, с. 246].

А. Вежбицкая справедливо указывает на связь между концептом «воля» и явлением массовых крестьянских побегов, периодически повторяющихся на протяжении русской истории, что объясняет появление такого значения слова, как «жизнь не в заключении». А. Вежбицкая видит специфику русского концепта «свобода» в том, «что во всех русских словарях слово свобода толкуется с упоминанием слов «стеснять» или «стеснение», производных от «тесно», как если бы свобода состояла, по сути своей, в «освобождении» из своего рода смиренной рубашки, материальной или психологической» [5, с. 35].

По мнению ряда исследователей, в связи с существованием на Руси обычая пеленать ребен-

ка, русский концепт «свобода» соотносится с образом распеленатого ребенка, испытывающего удовольствие от того, что он может двигать ручками и ножками без каких-либо ограничений. Однако А. Вежбицкая связывает семантический профиль слова свобода прежде всего с политической историей России. Подобную же мысль высказывает Г. Гачев, отмечая, что русский человек, «который только вышел из патерналистских режимов империи и социализма <...> может понимать свободу прежде всего как развязывание внешних уз и удержей, как волю вольному и что теперь все позволено» [6, с. 16].

Следует также отметить некоторый «антиобщественный» акцент русского концепта «свобода», сложившийся в силу исторических традиций и отраженный в русской мысли и русской литературе. «Русскому народу, в силу ли его исторических традиций или еще чего-либо, почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы – и связанной с этим ответственности. ... Само слово “свобода” понимается большинством народа как синоним слова «беспорядок», как возможность безнаказанного совершения каких-то антиобщественных и опасных поступков» [5, с. 240]. Г. П. Федотов также отмечает наличие отрицательной оценки в концепте «свобода»: «Свобода для москвича – понятие отрицательное: синоним распушенности, “ненаказанности”, безобразия» (Цит. по [2, с. 89]).

Однако, на наш взгляд, ошибочно полагать, что такие отрицательные коннотации связаны только с культурной и исторической спецификой русских концептов «свобода» и «воля». Негативные контексты, характерные для этих русских концептов, обусловлены насыщенной образной составляющей в структуре этих концептов. В то же время в понятийной составляющей изучаемых нами концептов изначально содержится элемент отрицания, поскольку компоненты общего семантического пространства «свободы» и «воли» основаны на отрицании, например, каких-либо ограничений, преград, стеснений.

То, что «свобода» и «воля», будучи смежными концептами, имеют довольно обширное общее семантическое пространство, на наш взгляд, прежде всего объясняется тем, что оба концепта функционируют одновременно в схожих фрагментах жизни социума. Например, связь этих концептов с такой сферой-источником прецедентности, как «Русский бунт», вполне очевидна. Более того, и «свобода», и «воля» интегрированы

в эту сферу посредством таких смежных концептов, как «борьба», «власть», «протест».

Итак, анализ языкового материала позволяет нам прийти к выводу о том, что близость концептов «свобода» и «воля» свидетельствует об общем семантическом пространстве, образованном наложением концептуальных полей «свободы» и «воли». В частности, концепт «свобода» заимствует дополнительные компоненты, присущие в полной мере русскому концепту «воля»: модальный, пространственный, природный. Представление свободы, заключенное в русской языковой картине мира, сопровождается, прежде всего, ощущением безмерного счастья, простора. «В свободе ощутимым образом присутствуют ... коннотации “простора”, широкого, бескрайнего пространства, где можно ПОЛНОСТЬЮ вытянуться» [5, с. 236].

Характер взаимоотношений концептов «воля» и «свобода» очень точно передала Н. Д. Арутюнова, отметив, что на протяжении всей истории русского языка эти концепты «находились в постоянном взаимодействии, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга. Существенно то, что воля постоянно вторгалась в поле свободы, приобретая социальный смысл, а свобода стремилась сбросить путы законов и отождествить себя с беззаконной волей» [2, с. 75].

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Восточная литература, 1995. – 472 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Воля и свобода [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. – М.: Индрик, 2003. – С. 73–99.
3. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
4. Варзин А. В. «Свобода» в словарной фиксации XIX – начала XX века: отражение трансформации смыслов под влиянием либеральной идеологии [Текст] / А. В. Варзин // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1. – С. 206–212.
5. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
6. Гачев, Г. Ментальности народов мира [Текст] / Г. Гачев. – М.: Эксмо, 2003. – 544 с.
7. Егорова, О. С., Кириллова, О. А. Языковая репрезентация концепта «свобода» в медиадискурсе (на материале прецедентных феноменов) [Текст] / Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки : научный журнал. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – № 2. – С. 154–158.
8. Лисицын, А. Г. Анализ концепта «свобода – воля – вольность» в русском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Лисицын. – М., 1995. – 259 с.
9. Петровых, Н. М. Концепты воля и свобода в русском языковом сознании [Текст] // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 207–217.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1984. Т. 4. – 800с.
11. Солохина, А. С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М.: РГБ, 2004. – 191 с.
12. Урысон, Е. В. Еще раз о свободе и воле [Текст] / Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура / Е. В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 880 с.
13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. [Текст] / М. Фасмер. – СПб., 1996. – 576 с.